

сель въ мѣстахъ, прилегающихъ къ желѣзной дорогѣ. такъ напр., число жителей:

	Въ 1897 г.	Въ 1910 г.
	с о с т а в л я л о :	
Омска	37 400	129 700
Томска	51 200	111 400
Хабаровска	15 000	43 500
Владивостока	28 400	85 700
Читы	11 500	76 400

Не менѣ показательнымъ является возникновеніе и ростъ совершенно новыхъ городовъ и поселковъ, вызванныхъ къ жизни проведеніемъ желѣзной дороги. Таковы, напр., были въ 1910 году города, о существованіи которыхъ до проведенія пути въ 1897 году еще не подозревали: Новониколаевскъ, на Оби, съ 63 600 жит., Никольскъ-Уссурийскъ — 34 600 жит., Татарскъ — 7 600 и др.

О томъ же значеніи для края Сибирскаго пути свидѣтельствуесть и сильный ростъ перевозокъ. Въ 1904 году перевезено было пассажировъ 1 418 000, а въ 1909 г. — уже 4 314 000: грузовъ: въ 1904 г. — 152.4 милл. пудовъ, а въ 1909 г. — 215,7 пуд.

Такъ совершилось одно изъ величайшихъ завоеваній цивилизаціи и культуры, доселѣ извѣстныхъ міру.

А. Бунге.

VI. БОРЬБА СЪ ДЕНАЦІОНАЛИЗАЦІЕЙ.

Есть законъ человѣческой природы и культуры, въ силу котораго *все великое можетъ быть сказано только по своему и все гениальное рождается именно въ лонѣ національнаго опыта, духа и уклада*. Денаціонализуясь, человѣкъ теряетъ доступъ къ *глубочайшимъ колодцамъ духа* и къ *священнымъ огнямъ жизни*: ибо эти колодцы и эти огни всегда *національны*: въ нихъ заложены, въ нихъ живутъ цѣлые вѣка всенароднаго труда, страданія, созерцанія, молитвы и мысли. Изгнаніе обозначалось у римлянъ, какъ «воспрещеніе воды и огня». И дѣйствительно, человѣкъ, утратившій доступъ къ духовной водѣ и къ духовному огню своего народа — становится безроднымъ изгоемъ, беспочвеннымъ и безплоднымъ скитальцемъ по чужимъ духовнымъ дорогамъ, *обезличеннымъ интернаціоналистомъ*. Горе ему и его дѣтямъ: они становятся историческимъ пескомъ и мусоромъ.

Національное обезличеніе грозитъ русскимъ людямъ — и въ подъяремной Россіи и въ зарубежьи. И тамъ, и здѣсь мы должны всѣми силами беречь наши колодцы и огни.

«Національность». вообще говоря, опредѣляется не сознаниемъ и не произволомъ человѣка, а *укладомъ его безсознательнаго* и притомъ именно — его *безсознательной духовности*. Скажи мнѣ, какъ ты *вѣруешь* и *молишься*; какъ проявляются у тебя *доброта, геройство, чувство чести и долга*; какъ ты *поешь, пляшешь* и *читаешь стихи*; что ты называешь «*знать*» и «*понимать*»; какъ ты любишь свою *родину*; кто твои любимые *вожди, гении и пророки*, — скажи мнѣ все это. а я скажу тебѣ, какой націи ты сынъ; и все это зависитъ не отъ твоего сознательнаго произвола, а отъ духовнаго уклада твоего безсознательнаго.

А этотъ укладъ слагается, формируется и закрѣпляется (прежде всего и больше всего) *въ дѣтствѣ*. И воспитаніе дѣтей есть именно *пробужденіе ихъ безсознательнаго чувствилища къ національному духовному опыту*, укрѣпленіе въ немъ ихъ сердца, ихъ воли, ихъ воображенія и ихъ завѣтныхъ помысловъ.

Бороться съ угрожающимъ намъ національнымъ обезличеніемъ русскихъ дѣтей (и въ зарубежьи, и подъ совѣтскимъ ярмомъ) надо именно на этомъ пути: надо сдѣлать такъ, чтобы *всѣ прекрасные предметы, впервые пробуждающіе духъ ребенка* и вызывающіе въ немъ умиленіе, восхищеніе, преклоненіе, чувство красоты, чувство чести, любознательность, великодушіе, жажду подвига, *волю къ качеству*, — были *національно-русскими*; и, далѣе: чтобы дѣти *молились* и *думали русскими словами*; чтобы они *почували* въ себѣ *кровь* и *духъ своихъ русскихъ предковъ* и приняли бы *любовью судьбу, путь и призваніе своего народа*; чтобы ихъ сердце и воля отзывались *трепетомъ* на дѣла и слова *русскихъ святыхъ, гениевъ, героев и вождей*. Получивъ въ дошкольномъ возрастѣ такой духовный зарядъ и имѣя возможность не покидать этого пути (хотя бы внутренне. въ семьѣ), — наши дѣти, гдѣ бы они ни находились, развернутся въ настоящихъ и вѣрныхъ русскихъ людей.

1. Языкъ. — Языкъ уже вмѣщаетъ въ себѣ таинственнымъ и сосредоточеннымъ образомъ всю душу, все прошлое, весь духовный укладъ и всѣ завѣтные помыслы народа. Все это ребенокъ долженъ получить вмѣстѣ съ молокомъ матери (буквально!). Особенно важно, чтобы *пробужденіе самосознанія* и *личностной памяти* у ребенка (обычно — на третьемъ-четвертомъ году жизни) происходило на его родномъ языкѣ. При этомъ важенъ не тотъ языкъ, на которомъ говорятъ при немъ другіе, а тотъ языкъ, на которомъ *обращаются къ нему*, заставляя его *выражать* на немъ его собственныя внутреннія состоянія. Поэтому въ зарубежьи, если невозможно имѣть русскую няню, — слѣдуетъ *воспретить* иностранной нянькѣ

разговоръ съ ребенкомъ до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не научится говорить по-русски. Родители же и русскіе знакомые должны говорить съ ребенкомъ *только* по-русски; и притомъ чаще, больше и, по возможности, безъ всякой примѣси иностранныхъ словъ и совѣтскаго жаргона. Это относится и къ чтенію: пока ребенокъ не зачитаетъ бѣгло по-русски, не слѣдуетъ учить его *никакому* иностранному чтенію. Въ дальнѣйшемъ же въ семьѣ долженъ царить *культъ родного языка*: вся семейная жизнь должна протекать по-русски; всякіе слѣды «волапука» должны строго изгоняться; очень важно ежедневное чтеніе вслухъ классиковъ, по очереди, хотя бы понемногу; очень важно ознакомленіе съ церковно-славянскимъ языкомъ, хотя бы элементарно и въ чтеніи; существенны семейныя бесѣды о *преимуществахъ* русскаго языка — о его богатствѣ, благозвучіи, выразительности и т. д.

2. Пѣсня. — Ребенокъ долженъ слышать русскую пѣсню еще въ колыбели. Пѣніе принесетъ ему первый душевный *вдохъ* и первый духовный *стонъ*: они должны быть *русскими*. Пѣніе помогаетъ рожденію и изживанію чувства въ душѣ: оно превращаетъ пассивный, беспомощный и потому обычно тягостный *аффектъ* — въ активную, текучую, творческую *эмоцію*: ребенокъ долженъ безсознательно усваивать *русскій строй чувствъ*. Пѣніе научитъ его *первому одухотворенію* душевнаго естества — *по-русски*; пѣніе дастъ ему первое *не животное* счастье — *по-русски*. Русская пѣснь глубока, какъ страданіе; искренна, какъ молитва; сладостна, какъ любовь и утѣшеніе; — въ наши черные дни, какъ подъ игомъ татарь, она дастъ дѣтской душѣ исходъ изъ грозящаго каменѣнія и озлобленія. Въ дальнѣйшемъ необходимо добыть русскій пѣсенникъ и постоянно заселять дѣтскую душу русскими мелодіями, — наигрывая, напѣвая, заставляя подпѣвать и пѣть хоромъ. Всюду, гдѣ въ зарубѣжьи имѣется русская колонія, надо создать русскій хоръ — церковный и свѣтскій. Хоровое пѣніе *национализуетъ* и *организуетъ* жизнь.

3. М о л и т в а. — Молитва есть страстная и сосредоточенная обращенность души къ Богу. Каждый народъ совершаетъ это обращеніе по свѣдѣнію; и только для поверхностнаго взгляда Православіе русскаго, грека, румына и американца — одинаково. Живое многогласіе и многохваленіе міра требуетъ, чтобы каждый народъ молился самобытно; и эту *самобытную молитву* надо вдохнуть ребенку съ первыхъ лѣтъ жизни. Молитва дастъ ему *духовное счастье*; пусть онъ переживетъ его *по-русски*. Молитва дастъ ему источникъ *духовной силы* — *русской* силы. Молитва научитъ его сосредоточивать чувство и волю на лучшемъ — *по-русски*. Молитва дастъ ему религіозный опытъ и поведетъ его къ религіозной очевидности — *по-русски*. Ребенокъ, научившійся молиться, самъ пойдетъ въ церковь и станетъ ея опорой, — *русской* опорой, *русской*

церкви. Онъ найдетъ пути — и въ глубину русской исторіи, и на просторъ русскаго возрожденія. Неправославный можетъ быть вѣрнымъ и доблестнымъ русскимъ гражданиномъ; но человекъ, безразличный къ Православію, или враждебный ему — врядъ ли найдетъ доступъ къ священнымъ тайникамъ русскаго духа и русскаго міропониманія.

4. Сказка. — Сказка будитъ и плѣняетъ мечту. Она даетъ ребенку первое *чувство героическаго* — чувство испытанія, опасности, призванія, усилія и достиженія; она учитъ его мужеству и побѣдѣ; она учитъ его созерцать *человѣческую судьбу*, сложность міра, отличіе добра и зла. Она заселяетъ его душу *національнымъ мифомъ* — тѣмъ хоромъ образомъ, въ которомъ народъ созерцаетъ *себя* и свою *судьбу*, исторически глядя въ прошлое и пророчески глядя въ будущее. Въ сказкѣ народъ «хоронитъ» свое вождѣнное, свое вѣдѣніе и вѣдовство, свое страданіе, свой юморъ и свою мудрость.

Національное воспитаніе невозможно безъ національной сказки. Ребенокъ, никогда не мечтавшій въ сказкахъ своего народа — отрывается отъ него и вступаетъ на путь интернаціонализаціи. Пріобщеніе же чужеземнымъ сказкамъ помимо родныхъ — ведетъ къ денационализаціи.

5. Житія святыхъ и героевъ. — Чѣмъ раньше и чѣмъ глубже воображеніе ребенка будетъ плѣнено живыми образами *національной святости* и *національной силы*, тѣмъ лучше для него. Образы *святости* — пробудятъ его *совѣсть*; а *русскость* святого — вызоветъ въ немъ чувство соучастія, пріобщенности, отождествленія, дастъ его сердцу и его волѣ радостную и гордую увѣренность, что «нашъ народъ оправдался передъ лицомъ Божіимъ», что алтари его святы и что онъ имѣетъ право на почетное мѣсто въ міровой исторіи («народная гордость»). Образы *героизма* — пробудятъ его великодушіе, его правосознаніе, его жажду подвига и служенія, терпѣнія и борьбы: а *русскость* героя (отъ Мономаха до Петра Великаго, отъ Ломоносова до Пушкина, отъ Суворова до Врангеля) — дастъ ему непоколебимую вѣру въ силы своего народа. Все это есть школа національнаго характера.

Преклоненіе передъ святымъ и героемъ *возвышаетъ душу*: оно даетъ ей сразу — и смиреніе, и заданіе, и вѣрный путь, и чувство собственнаго достоинства. И такъ національный герой — ведетъ свой народъ и изъ-за гроба.

6. Поэзія. — Стихи имѣютъ магическую силу — они подчиняютъ душу, плѣняютъ ее гармоніей и ритмомъ, заставляютъ ее искать закона и формы. Какъ только ребенокъ начнетъ говорить и тѣмъ болѣе читать, такъ классическіе національные поэты должны дать ему *первую радость стиха* и постепенно раскрыть ему свой сокровища. Сначала пусть слушаетъ; потомъ пусть читаетъ самъ, учитъ наизусть, декламируетъ. Ни одинъ народъ не имѣетъ такой поэзіи, какъ рус-

ская: здѣсь мудрость облекается въ прекрасные образы, а образы становятся звучащей музыкой. Русскій поэтъ — одновременно національный пророкъ и національный музыкантъ. И русскій человекъ, съ дѣтства влюбившійся въ русскій стихъ. — никогда не денаціонализуется.

7. Исторія. — Русскій ребенокъ долженъ съ самаго начала почувствовать и понять, что онъ *сынъ великаго народа*, съ величавой и трагической исторіей, съ великими страданіями и крушеніями, и съ еще болѣе великими достиженіями (срв. Письмо Пушкина къ Чаадаеву отъ 19 октября 1836 г.). Его національное самочувствіе должно быть ограждено отъ двухъ опасностей: отъ *націоналистическаго самомирія*, и отъ *всеосмѣивающаго самоуничженія*. Преподаватель исторіи не долженъ скрывать отъ ученика слабыхъ сторонъ національнаго характера; но въ то же время онъ долженъ указать ему всѣ источники національной силы и славы. Въ частности особенно ядовитъ тотъ тонъ разлитаго сарказма, который введенъ въ трактованіе русской исторіи Ключевскимъ. Этотъ тонъ несомнѣнно поколебалъ и развѣлъ вѣрное національное самочувствіе въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ русской предреволюціонной интеллигенціи. Исторія учитъ *духовному преемству и сыновней вѣрности*; а историкъ становясь между прошедшимъ и будущимъ своего народа, долженъ самъ любить его судьбу и его путь, и вѣрить въ его призваніе. Тогда онъ будетъ не только истиннымъ ученымъ, но и истиннымъ національнымъ воспитателемъ.

8. Армія. — Армія есть сосредоточенная волевая сила моего государства, оплотъ моей родины, воплощенная храбрость моего народа, организація служенія, самоотверженности и чести — вотъ чувство, которое должно быть передано ребенку его національнымъ воспитателемъ. Успѣхъ своей арміи онъ долженъ переживать какъ *свой* успѣхъ; его сердце должно сжиматься отъ ея неудачи; ея вожди должны быть его героями; ея знамена — его святынею. Сердце человека принадлежитъ тому дѣлу и той націи, чью армію онъ считаетъ *своею*. И въ этомъ отношеніи Россія переживаетъ нынѣ величайшій соблазнъ: ибо основная масса ея арміи служитъ *не* ея дѣлу; а то дѣло, которому эта масса служитъ, есть дѣло погубленія и растлѣнія страны. Вотъ почему настоящая русская армія пребываетъ — *въ прошломъ, въ зарубежьи и въ будущемъ*.

9. Другія искусства. — Въ мѣру возрастанія и въ мѣру возможности надо открывать ребенку доступъ ко *всѣмъ* видамъ *національнаго искусства* — отъ архитектуры до живописи, отъ пляски до театра, отъ музыки до изящной литературы *). Тогда душа его всесторонне раскроется для воспріят-

*) Въ ближайшей книжкѣ «Русскаго Колокола» редація дастъ практическія указанія по имѣющейся въ зарубежьи литературѣ по собій.

тія того, что впервые дали ей русская пѣсня и русская поэзія. Понятно, что наиболѣе доступнымъ, наиболѣе увлекающимъ и непосредственно национализирующимъ видомъ искусства останется русская пляска со всей ея свободой, ритмичностью и драматизмомъ. —

Русская душа даровита, разносторонняя, широка, гибка и переимчива. Въ этомъ ея даръ; но въ этомъ и ея опасность. Ее сторожить у дверей соблазнъ мнимой «всечеловѣчности» и дѣйствительнаго обезличенія. И потому ей необходима любовь и воля къ національной самобытности. Воспитаніе есть дѣло именно любви и воли; осторожнаго и органически-цѣлостнаго, но продуманнаго, планомѣрнаго и долгаго усилія.

И нынѣ Россія нуждается въ этомъ, какъ еще никогда.

Редакція.

VII. ЖИВЫЯ СЛОВА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(ДЛЯ ПАМЯТИ).

1672 — 1725.

«Великій Петръ! Твой каждый слѣдъ
Для сердца Русскаго есть памятникъ
священный...»

Князь П. А. Вяземскій.

«Сынишка твой Петрушка, въ работѣ пребывающій».

(1689 г. Подпись на письмѣ къ матери, Паталиі Кирилловнѣ Нарышкиной).

«Азь бо есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую».

(1697 г. Надпись на печати, кою онъ запечатывалъ свои письма изъ-за границы).

«Весело слушать, когда подданные открыто говорятъ своему Государю правду; вотъ чему надо учиться у англичанъ!»

(1697 г. Послѣ посѣщенія инкогнито англійской Палаты Лордовъ).

«Если они таковы, то пусть вѣруютъ, какъ хотятъ; надъ совѣстью людей властенъ одинъ Христосъ. Если нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія разсудкомъ, то не пособить ни огонь, ни мечъ, а мучениками за глупость быть — ни они той чести не достойны, ни государству пользы не будетъ...»

(О купцахъ-раскольникахъ, — узнавъ, что они честны и прилежны).